

Номинация на премии им. Сергея Довлатова, «Большая книга»,
«Национальный бестселлер»

Андрей Белов

БЕГСТВО В НИКУДА

«ОТРАЖЕНИЕ. XXI ВЕК»

Андрей Викторович Белов
Бегство в никуда
Серия «Отражение. XXI век»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63715437

Бегство в никуда: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907395-20-6

Аннотация

Новая книга автора показывает сложные проблемы людей во время перехода от одной страны к другой. Первая исчезла, а вторая еще не состоялась – она только пытается сформироваться, ища и не находя новые приоритеты, при которых люди вновь приобретут веру в завтрашний день. Безвременье, расслоение общества: элита, нищие, бомжи...

Автор увлекательно, а порой с горьким юмором показывает отношения людей между собой, к обществу, родителей к детям.

Книга пронизана болью за нашу страну, верой в наших людей.

Содержание

Бегство в никуда	8
Иконописец	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

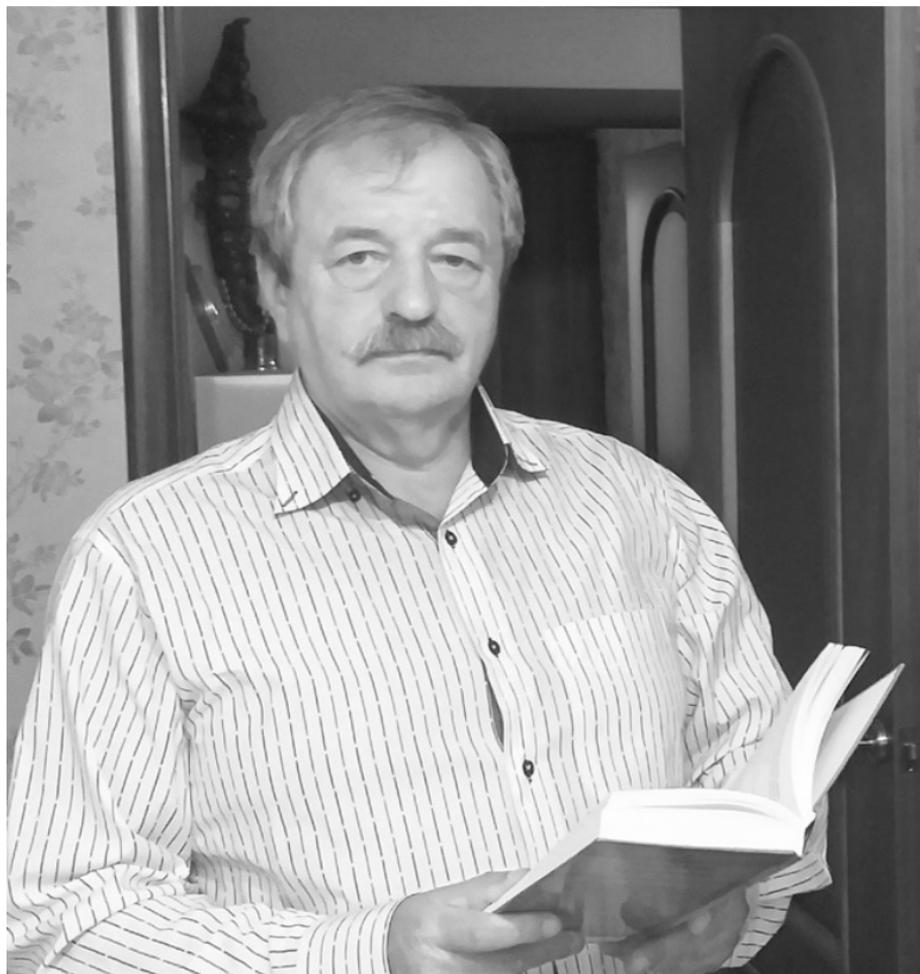
Андрей Белов

Бегство в никуда

© Андрей Белов, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *

Краткая биография

Белов Андрей Викторович родился в г. Москве 07.12.1954 г. и в настоящее время проживает там же.

После окончания в 1978 году Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана работал в нескольких научно-исследовательских институтах, в том числе и при Государственном комитете СССР по науке и технике. Инженер-механик. Кандидат технических наук. Член Интернационального Союза писателей.

По роду работы много ездил по европейской части России, Уралу и Сибири.

После начала реформ в стране работал в разных организациях и побывал во многих странах мира.

Свою литературную деятельность начинал в 1990-е годы с путевых заметок.

Последние несколько лет автор полностью посвятил себя литературному творчеству: пишет рассказы, книги. Они широко представлены в интернете на литературных сайтах в том числе: «Проза. ру», «ЛитРес» (всего более 20 сайтов).

Произведения автора в основном посвящены взаимоотношениям современных людей с различным социальным статусом между собой и отношениям их с обществом, семьей, детьми в наше трудное и сложное время реформ.

В то же время автор пишет и в жанре фэнтези, фантастики, мистики и истории.

Все творчество автора объединяет любовь к своим героям. Как правило, угадать, чем закончится рассказ, бывает крайне трудно.

Книга «Рассказы» была опубликована в Канаде в из-

дательстве Altaspera Publishing, издательском доме YAM Publishing (Рига, Латвия), «ЛитРес», в издательском сервисе «Ridero».

Библиография печатных книг: «Рассказы», «Сборник рассказов», «Неизвестная история», «Может быть», «Вот так и живем».

Общее количество книг в электронном виде составляет около 40 шт.

Бегство в никуда

Краски осени, так ярко рассыпавшиеся по средней полосе России, только-только бесшумно сверкали разноцветьем, умиротворяли мысли, чувства, эмоции, настраивая на размышления, вызывая легкую необъяснимую грусть и ностальгию по ушедшему в прошлое – в нашу память – лету, – эти краски тоже ушли в прошлое.

Пришел ноябрь – загадочный и задумчивый месяц года, месяц невесомости в мыслях и неопределенности в желаниях. Думать о прошедших солнечных и теплых днях уже бессмысленно, они далеко, а думать о приближающихся холодах не хочется. Так и живешь в этом состоянии, не задумываясь ни о чем, и незаметно одеваешься все теплее и теплее.

С ноябрем пришло и ненастье. Тучи своей серостью все чаще и чаще закрывали небо – иногда на время, иногда на весь день и всю ночь, и мелкий холодный дождь накрывал город со всеми его обитателями. Кто-то сидел дома и смотрел на ноябрь из окна теплой квартиры, кто-то прятался, где придется, проклиная межсезонье, а заодно – и весь мир. Иногда, если ночь была ясная, звездное небо отражалось на тонкой пленке льда, покрывающей городские лужи, хрустящей под ногами позднего и случайного прохожего, кутающегося в застегнутую на все пуговицы одежду и торопящегося в уют и тепло. Все предупреждало о том, что скоро наступит

зима.

Когда-то его звали Николай, Николай Сергеевич; называли также папой, мужем, квартироръемщиком, соседом, гражданином... Но все это в прошлом. Теперь он никто – бродяга без имени и фамилии, без паспорта и семьи, без друзей и работы, без жилья и карточки медицинского страхования. Нигде не учтенный, он вроде как и не существовал для общества, и общество вспоминало о таких, как он, случайно, встречая их на улицах, в подземных переходах, у входа в продуктовые магазины, обращая на них внимание, только почувствовав отвратительный запах, идущий от них, и видя их спитые лица, заплывшие от водки и с узкими щелочками глаз из-за постоянных синяков, полученных в пьяных и бессмысленных драках, причины которых они и сами-то толком объяснить не могли. Водка! – и все этим сказано. Прохожие ужасались несколько мгновений, но, уже отойдя пять-десять шагов, забывали о них до следующей случайной встречи.

И все-таки они существовали реально, а не были какими-то миражами-фантомами, и даже занимали свою четко определенную социальную нишу: бомжи – люди без определенного места жительства. И заметь, уважаемый читатель: не бродяги, не нищие, не отребья, не сброд... а короткое и простое, не режущее слух и похожее на кличку собаки «бомж»!

Хотя свое настоящее имя он уже давно никому не называл (а может, и сам уже забыл его), мы все-таки будем называть его Николаем, как звали его когда-то родная матушка и род-

ной батюшка, веря, что именно это имя он пронесет через всю свою жизнь и с ним же и упокоится где-нибудь рядом с их могилами.

Николай проснулся оттого, что левый бок совсем заочечел – грело только справа. Он с трудом открыл глаза – они приоткрылись совсем чуть-чуть: боль не давала раскрыть их шире. «Вчера ведь болел только левый глаз, – подумал он, закрыл глаза снова. – Оно и понятно: левый уже несколько дней как заплыл большим синяком. Ну а правый-то почему болит?» Николай стал вспоминать вчерашний вечер и понял, что все произошло, когда опять же делили водку. С кем? Этого он вспомнить не мог, да ему это было и не нужно, ведь каждый день или вечер происходило одно и то же: как всегда, если за день не добыл достаточно денег, то приходилось объединяться с такими же бродягами, как и он, чтобы наскрести на бутылку. А потом разговоры ни о чем, пьяные разборки с незнакомыми собутыльниками... В общем, как всегда. У Николая не было постоянной компании, он бродяжничал один.

«Да ладно, что мне, рожу с фото в паспорте сличать, что ли? Так ведь нет его у меня, паспорта-то», – успокоил себя Николай и вспомнил, как года три-четыре назад отдал его какому-то барыге за две бутылки самогонки. Самогонка оказалась дрянь, но деваться было некуда, и о паспорте он не жалел.

Николай опять с трудом открыл глаза. Вокруг был полумрак; он лежал на цементном полу, прижавшись к теплой трубе. Как он попал сюда, он не помнил. Тусклый свет в эту небольшую нишу поступал сверху, скорее всего, от ближайшего уличного фонаря. Была еще ночь. С краев канализационного люка не срывались вниз капли воды, и он подумал: «Подморозило».

Неожиданно что-то зашуршало, и откуда-то из темноты вылезла крыса, таща в зубах кусок засохшей колбасы в фирменной обертке. Николай пошарил рукой по карману куртки – крыса замерла на месте – и со злостью подумал: «Вот гадина, утащила-таки, пока я спал». Он вспомнил, что нашел эту колбасу в каком-то мусорном контейнере, и был уверен, что уж завтрак-то у него есть и с утра можно будет не торопиться обходить помойки.

Шорох раздался вновь, и Николай увидел, как крыса начала расправляться с колбасой прямо у него перед носом, не более как в полуметре от его лица. Он пошевелился, но крыса даже не обратила на него внимания. «Странно, почему крысы не убегают при виде таких бродяг, как я? Наверное, и они по запаху, который идет от нас, понимают, что людьми нас считать нельзя, – подумал Николай и заключил философски: – Может, они и правы». Он стал медленно подвигать левую руку к колбасе. Крыса перестала есть и, подняв морду, внимательно следила за рукой. Взгляды их встретились, они оба замерли, не мигая. Взгляд у крысы был злой, холод-

ный, уверенный в своем превосходстве и полный решимости отстаивать то, что она считала своим. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, и наконец Николай сдался и стал медленно, чтобы не подтолкнуть крысу к нападению, подтягивать руку обратно к себе. Снова раздалось шуршание обертки – крыса продолжила расправляться с куском колбасы, больше уже не обращая внимания на непрошеного гостя, залезшего случайно именно в этот дорожный люк.

Николай готов был поклясться, что, перед тем как снова начать есть колбасу, крыса подмигнула ему и улыбнулась, и даже – но в этом уже Николай не был уверен – вроде бы захихикала. «Тьфу ты, неужто белая горячка начинается», – он встряхнул головой, оглянулся и, убедившись, что ничего другого необычного он не видит, успокоился. Он признал себя здесь чужаком – признал превосходство хозяйки подземных лабиринтов города. Затем, повернувшись, стал греть у трубы другой, замерзший, бок, сразу же забыв и о крысе, и о колбасе.

Белой горячки у Николая еще не было ни разу, но он видел ее в приюте, где по глупости попробовал жить: он видел, как мужик метался по комнате, постоянно стряхивая с себя что-то, что видел только он. Это было зрелище не для слабонервных. Из приюта Николай ушел, прожив там всего два дня: постоянный контроль со стороны персонала был для него невыносим. Не пить, не материться, поддерживать чистоту и порядок... – это никак не сочеталось с его понима-

нием свободы, а свобода для бродяги – самое главное. Ею он оправдывает свой образ жизни. Свобода от любого контроля со стороны других, который воспринимается как насилие над личностью. И даже гарантированные сытость и ночлег не стоят этой «свободы».

Поворачиваясь на другой бок, он случайно посмотрел вверх. Канализационный люк над ним не был закрыт, и он увидел в проеме открытого люка чистое небо, полное звезд. Полностью в этом круге не умещалось ни одно из известных ему созвездий, и от этого небо представлялось незнакомым, но не чужим. Глядя на него, бродяга ощущал себя маленьким, но неотъемлемым кусочком вселенной, он чувствовал единство со всем Миром, пусть даже тот был совершенно равнодушен к его существованию. Увиденное потрясло бомжа и заморозило: он еще никогда не видел круглого ночного звездного неба. Николай лежал и смотрел на это незнакомое чудо; чувство тоски медленно, но все сильнее и сильнее стало сжимать его грудь; комок подступил к горлу, сразу перехватило дыхание, и слезы потекли по щекам – он плакал, как плачет порой ребенок, не способный понять и объяснить свое горе. Горе – и все в этом слове! Он вспомнил дом, семью, детей. Вспомнил маму. Вспомнил, как начал пить, как его затягивало в это болото все глубже и глубже; вспомнил, как после очередного запоя, продолжавшегося неизвестно с кем, где и сколько времени, он очнулся уже другим человеком, и в другом городе... Жизнь стремительно покатилась

на самое дно.

«Вот так бы лежать и лежать всю жизнь и смотреть на это непорочное небо, будто и не бывает в жизни голода, холода; будто нет тошнотворного запаха от одежды и тела; как будто нет помоек, свалок и, главное, нет в мире водки, – думал Николай. – Хотя нет! Насчет водки это уж перебор: выпить-то все-таки тянет – пусть водка останется. Надо только пить в меру», – не веря в это, думал он.

Водка – это и была ежедневная цель его жизни. Не удалось достать водки – пойдет алкоголь в любом его виде. Да, ежедневная цель! Поиск денег на алкоголь наполнял смыслом каждый новый день, а далее он и не задумывался. Вечер и ночь, водка и ночлег – вот и все будущее. Водка очищала душу от всего плохого, что произошло за день, и в результате в душе оставалась только пустота, пусть и ненадолго, пока не очнешься от пьяного забытья на следующий день, – пустота, позволяющая до следующей пьянки не задумываться о своей жизни и не оправдывать себя, а видеть во всем естественный ход событий и естественный образ жизни.

Шуршание прекратилось, наступила полная тишина – тишина и небо... и звезды в круге люка. На душе было хорошо и спокойно... а про себя он все-таки подумал: «Наверное, уже всю колбасу сожрала, сволочь!» Но в обиде на крысу он не был.

«Сегодня повезло ей, завтра повезет мне», – только и сказал он себе.

Наконец он опять задремал. Ему снился огромный окорок, висящий на крюке и качающийся из стороны в сторону. Когда окорок приближался к стене, крыса отталкивала его лапой, таким образом раскачивая его и не давая ему остановиться. Почему-то остановить его руками было нельзя, и Николай пытался откусить от него на ходу и каждый раз промахивался. Сильно пахло плесенью и грязными заношенными носками.

Разозлившись, Николай попытался схватить окорок руками, но тот сразу же исчез, и чей-то голос сверху произнес:

– Эй, слышь, мужик! Вылезай – нам работать надо!

Он открыл глаза и в круге света над собой увидел три головы, смотревшие на него. Головы были в рабочих касках. Небо было светлое, звезд не было.

«Утро», – догадался он.

– Давай просыпайся, очухивайся быстрее и вылезай: про раб скоро подойти может, а нам еще ждать, пока там проветрится после тебя!

Николай спросонок неуклюже, да и нехотя, полез вверх к люку, деловито отметив про себя, что одежда на нем полностью высохла за ночь у теплой трубы. В тот момент, когда он уже вылезал на поверхность, трое рабочих, зажимая носы, отпрянули от люка.

– Мужики, ради Бога, дайте закурить, – жалобно произнес он и остался стоять у люка, всем своим видом показывая, что иначе он не уйдет.

– Ладно, – сказал остальным двум тот, что держал инструмент, – иначе от него не отделаешься, – и протянул бродяге пачку дешевых сигарет.

– Вот спасибо, – Николай взял пачку, долго неловко выуживал из нее сигарету непослушными и заскорузлыми пальцами и подал обратно пачку рабочему.

Тот протянул было руку за сигаретами, но тут же, сморщившись, брезгливо отдернул ее и произнес:

– Бери все.

Раздался хохот тех двоих, которые наблюдали, стоя в стороне.

Николай перешагнул через низкий заборчик, огораживающий в целях безопасности открытый проем люка от прохожих, и пошел не спеша по улице в сторону ближайшего супермаркета: именно там время от времени выбрасывали просроченные продукты. Проходя мимо палатки, торгующей выпечкой, он заглянул в стоящую рядом с палаткой урну, нашел недоеденный пирожок с сосиской и сразу же съел его. Оказалось мало, в животе все равно урчало, и Николай использовал давно опробованный способ, как убедить продавщицу дать ему хоть что-нибудь: он молча встал рядом с прилавком, якобы разглядывая витрину. Очередь у палатки мгновенно исчезла: все разошлись, затыкая носы. Для продавщицы это было не в новинку, и она сразу же дала бродяге что-то из выпечки – то, что было побольше размером, но дешевле по цене.

Дойдя до супермаркета, он обогнул здание – там были мусорные контейнеры – и увидел, как мусоровоз опрокидывал в свой кузов уже последний из них. Опешив, бомж машинально вцепился в этот контейнер и заорал:

– Стой!

Шофер выглянул из кабины и, глядя на бродягу, повертел пальцем у виска, после чего произнес тираду, которая в переводе на русский литературный язык означала примерно следующее: «Отойди! Не мешай работать!»

«Опоздал!.. А может, магазин сегодня пока еще ничего просроченного и не выбрасывал», – пытался подбодрить себя Николай и стал обходить городские помойки.

«Поздно разбудили, черти», – ворчал он про себя на тех троих, в рабочих касках. Везде уже кто-то побывал после того, как люди, идя на работу, по пути выбрасывали мусор. Только в одном мусорном контейнере рылись двое бродяг, что-то вытаскивая и сразу же запикивая это «что-то» в рот.

Николай осторожно подошел ближе и поздоровался. Реакция тех двух последовала незамедлительно, и он, прихрамывая, с трудом смог убежать, получив всего-то один-два удара ногой, успев разглядеть, что одним из двух бомжей была женщина.

Идя по улице, он заглядывал во все урны, но ни алюминиевых банок, ни бутылок так и не нашел. Николай знал в городе все пункты приема вторсырья.

Захотелось курить, и тут он сразу же пожалел, что нагло

не спросил у тех работяг еще и зажигалку. Пришлось идти до ближайшей остановки автобуса и подобрать первый же брошенный непотушенный окурок. Наконец-то закурив, Николай подумал о том, что вообще-то он уже не был голоден и рыскать по мусорным бакам всего города целый день желания сегодня у него не было, и он решил заняться добыванием денег – попрошайничеством, чтобы вечером было на что купить водки. Почему-то он был уверен, что сегодня ему повезет, и спустился в ближайший подземный переход.

На кусочке картона он написал: «Подайте бездомному на водку». Он знал, что такая правдивая надпись при его спившемся виде была самой выигрышной: мужчины, прочитав эту просьбу, улыбаясь, бросали в банку, стоящую перед бродягой, мелочь. Николай сразу же убирал из банки деньги и прятал в одежде, оставляя лишь немного, как он говорил, «на развод». Женщины проходили мимо него быстро, как правило, опустив взгляд и прижимаясь к противоположной стене перехода. Старушки смотрели на него с болью во взгляде и нередко клали рядом с ним хлеб, яблоко или конфету. Часто в их взгляде можно было увидеть навернувшиеся слезы. Наверное, они думали о том, что раньше такого и быть не могло: ни войны, ни бедствия какого не было, руки-ноги на месте, костылей рядом с ним нет, а сидит мужчина и просит милостыню. Хотя бедствие все-таки было... – исчезла целая страна, огромная, могучая, исчезла в одночасье, но люди-то – люди, остались!

Прошли трое молодых людей в форме курсантов полицейского училища. Проходя мимо Николая, один из них вроде как невзначай задел банку с мелочью, и деньги раскатились по полу подземного перехода. Курсант весело сказал, обращаясь к двум другим:

– Смотрите-ка, каждый день здесь проходим, а этого первый раз вижу. Пусть понагибается, косточки разомнет, а то, наверное, засиделся бедолага, так вот и разминочка – фитнес, так сказать, – и все трое дружно захохотали.

Николай бросился собирать мелочь, ползая по полу на четвереньках. Вдруг он почувствовал сильный пинок в зад, упал вперед, сильно ударившись о каменный пол перехода носом и лбом, и сразу же услышал все тот же, до боли в сердце знакомый хохот, злорадный и в то же время холодный и безразличный, – мимо проходила компания подростков.

Подростков Николай боялся больше кого-либо. Он знал по рассказам других бомжей случаи, когда выпившие подростки забивали бродяг до смерти. Сам он тоже как-то пострадал от «детिशек», но чудом проезжавшая мимо полицейская машина спасла его: увидев ее, подростки разбежались. Полицейские вышли из машины, но, разглядев в пострадавшем бомжа, сразу уехали: никто из стражей порядка не хотел подхватить вшей или другую какую заразу, и Николай остался лежать на том же месте, где и били.

Позже отлеживался у какой-то бабки-алкоголички, случайно проходившей мимо него. Пообещал, что, как отлежит-

ся, будет ей каждый день приносить маленькую бутылку водки. Сломанные ребра заживали медленно, но через неделю, как только смог чуть передвигаться, ушел от бабки и больше уже туда не возвращался. «А может, это и не бабка была, может, и совсем не старая, – вспоминая позже этот случай, думал Николай. – Но алкоголички – они все на одно лицо».

Впредь, завидев издали группу подростков, сразу же либо переходил на другую сторону улицы, либо шел к остановке наземного транспорта, если там стояли люди в ожидании автобуса, троллейбуса или трамвая. Больше уж он не попадал на встречу с подростками в безлюдном и темном месте – Бог миловал.

Собрав с пола деньги, он сел, опершись спиной о стенку, вытер рукавом кровь на покаябанном лице и стал вспоминать, что как-то раз он пробовал сожительствовать с женщиной-бродягой: она показала заброшенный подвал, где можно было кое-как устроить свой быт и ночлег, но, увидев в тот же вечер при первой же попойке, какой неуправляемой она становится, когда выпьет, наврал, что пошел купить еще водки, и больше туда не возвращался. В дальнейшем попыток сожительствовать он не делал. Он даже не помнил, как ее звали.

Самые «выгодные клиенты» были те, кто подходил спрашивать, как он дошел до такой жизни, что потерял человеческий облик. Эти подавали больше, и не мелочью, а бумажными. Такие встречались не так уж и редко – надо было только

подождать. Николаю некуда было спешить, и он тихо сидел у стены подземного перехода и ждал своего «клиента».

Это был первый попавшийся на его пути подземный переход, и ему повезло, что попрошайек в переходе не было. «Хорошее место, – подумал он, – рядом несколько остановок автобусов и троллейбусов». Поток прохожих не убывал. Николай понимал, что был и большой риск сидеть в этом месте, поскольку все хорошие места в городе, выгодные для попрошайничества, поделены криминалом, и выпрашивать деньги у прохожих разрешалось только «своим» за определенную плату в день.

«Ну да Бог не выдаст, свинья не съест», – сказал себе Николай. Уж очень ему хотелось сегодня отдохнуть и «срубить» деньги влегкую.

Наконец, часа через два, проходивший мимо мужчина – по одежде и... да по всему видно, что не с копеечной зарплатой, – остановился напротив него и стал внимательно, как бы что-то вспоминая, вглядываться в попрошайку.

«Деньги сами в руки идут», – подумал Николай и приготовился к разговору.

В конце концов прохожий положил перед бомжом мелкую денежную купюру и спросил бродягу:

– Удачный день?

– Какое там! Одну мелочь бросают, – поддержал разговор Николай, пряча купюру в карман.

– Ну, на хлеб хватит, – продолжал прохожий.

– Я ведь не на хлеб, а на водку прошу, гражданин, – ответил Николай. – Так и написал, читайте: «Подайте бездомному на водку».

– Значит, сыт, что ли? – обращаясь сразу на «ты», спросил прохожий.

– Да, вроде того, – весело и дружелюбно, заискивая перед прохожим, сказал бомж.

– Звать-то как? – не отставал мужчина.

– Да зовите как нравится: можете Иваном, а можете Петром.

– Ну, ладно, а по отчеству-то как?

– Сергеевич, – ответил Николай.

– А бездомный почему, Сергеевич? – спросил прохожий. – И вообще, как ты до такой жизни-то дошел?

– Да если бы «дошел», а то ведь довели! – сказал Николай, изобразив на лице, как ему казалось, жалобную гримасу.

Бродяга был готов к этому вопросу и стал не спеша рассказывать свою историю:

– Как СССР рухнул, так институт, где я старшим научным сотрудником работал, закрылся. Всех работников уволили. Побегал-побегал в поисках работы – не нашел: везде сокращение штата. А семью кормить надо! Кем только не работал: и продавцом на рынке, и грузчиком, и в фирмах разных курьером – на побегушках, значит. Было дело: тянули в криминал – не поддавался. А денег все равно только-только хватало концы с концами свести. Занялся извозом, таксовал, значит.

Машину чужую вдребезги разбил – сам чудом жив остался. Отлежал в травматологии три месяца, вышел, а владелец машины мне счет предъявил. Сумма большая: машина еще не старая была, да прибавил «за моральный ущерб». Еще и «на счетчик поставил» – каждый месяц сумма увеличивалась. Начал продавать все из квартиры: сначала книги, затем уж и вещи, и мебель в распродажу пошла. Наконец понял, что ни за что мне не расплатиться. Я уже весь в долгах, а тут как-то звонок в дверь, открываю – агент по недвижимости оказался. Приятной наружности, вежливый такой. Говорит, что у них есть выгодное предложение для меня: покупатель есть на трехкомнатную квартиру именно в этом районе и в этом доме. И этаж ему подходит, и планировка квартиры, и, самое главное, согласен хорошие деньги заплатить. И с долгами, мол, расплатитесь, и тоже трехкомнатную, только в другом районе, подальше от центра, купите. Много позже, вспоминая, думал я: «Как это он про долги-то узнал?» А тогда-то я согласился, выбора у меня не было – продавать квартиру надо было. Больше денег ниоткуда я не мог взять. Через два дня подписал договор купли-продажи: свою продавал, а другую покупал. Прочитал ведь дважды внимательно, а уж затем в сумку спрятал. Прихожу домой, достаю из сумки договор, смотрю, а это не договор, а дарственная...

Рассказывая, Николай так увлекся, что не замечал, как его собеседник еле сдерживается от смеха. В конце концов прохожий все-таки расхохотался и проговорил:

– Слышь, Коль, ну ты и мастер врать! Ты тут будешь еще целый час жалиться, а я тороплюсь. Приглядиись внимательно. Узнаешь? Сергей я. Мы же с одного двора с тобой. И в школе в одном классе учились. Теперь-то я понял, что именно тебя не раз видел на улицах и у магазинов, но только со спины – потому-то и не мог узнать раньше. Ну? Вспомнил меня?

Николай вдруг как прозрел: то-то прохожий кого-то напояминал ему, но вот кого, вспомнить он никак не мог. Наконец, вспомнив, он опустил глаза и замолчал.

– Столько лет прошло, как ты исчез, а Люся – имя жены-то не забыл? – до сих пор ищет тебя, запросы разные рассылает.

Помолчали немного, вспоминая родной город и прошлую жизнь.

– Ладно, – сказал Сергей, – не об этом сейчас речь, да и тороплюсь я. Итак, кратко: захочешь на ноги встать и жить по-человечески – помогу. Ты, насколько я помню, монтажником работал, а мне на строительном объекте монтажники во как нужны, – и он провел ладонью поперек шеи. – Телефона у тебя, конечно, нет, и в контору тебя с таким видом не пустят – это уж точно.

Сергей на мгновение задумался и продолжил, медленно растягивая слова, на ходу обдумывая, как быть в этом случае:

– Значится, так: придешь завтра ко входу в контору, – он назвал адрес. – Знаешь, где это находится?

– Знаю: трехэтажное здание голубого цвета на самом углу улицы, там еще рядом супермаркет, – ответил Николай, машинально подумав: «Может, уже просрочку выкинули?»

– Хорошо! – продолжил Сергей. – Так вот, придешь к девяти часам утра и стой в сторонке от входа. Я как раз к этому времени подойду, тогда и скажу, куда идти тебе, чтобы отмыться и в порядок себя привести. Затем снова ко мне в офис – я до восьми вечера работаю. Покажешь на проходной мою визитку... Подожди-ка, а паспорт у тебя есть?

– Нет, – Николай опять опустил глаза.

– Понятно. Тогда скажешь, чтобы охранник с проходной позвонил мне. Я на визитке напишу ему, – и он, достав из кармана пиджака визитку, что-то быстро приписал на ней и протянул ее Николаю. – Думай и приходи! Будем решать твой вопрос и, думаю, поправим твою судьбу. А сейчас поешь хоть по-человечески, много не пей: завтра встреча – может быть, это будет твой день, – добавил он, положив перед бомжом крупную купюру, и быстрым шагом направился к выходу из подземного перехода, но на ходу обернулся и добавил: – Ну а если что случится, то приходи в другой день.

Николай продолжал сидеть, прислонившись к стенке, и, не замечая прохожих и брошенную ими мелочь, неотрывно смотрел на купюру. Деньги для него были большие – таких он и в руках никогда не держал. Сначала хотел было подсчитать, сколько же бутылок можно купить на них, но сразу же отбросил эту мысль, так как по опыту знал, что, независимо

от суммы, хватит их только на одну пьянку с такими же бродягами, как он, и что, начавшись сегодня, пьянка эта закончится тогда, когда закончатся деньги. Понятие «завтрашний день» для него и для других бомжей не существовало.

И все-таки он пошел посмотреть, где работает Сергей. Собрав всю поданную мелочь и бережно спрятав ее в одежде, вышел из перехода и направился к голубому зданию. Рядом действительно был тот самый супермаркет, который он проходил утром. Обошел его сзади, заглянул в мусорные баки магазина и к своей радости нашел два копченых окорочка в вакуумной упаковке, положил их в полиэтиленовый пакет, найденный тут же, и пошел к конторе.

Николай долго стоял недалеко от конторы, представляя себя то в собственном кабинете за письменным столом, то в рабочей спецухе монтажника на стройке.

«И так каждый день – от и до, по восемь часов!» – подумал он.

Достав визитку, он прочитал: «Сергей Петрович Н., управляющий компанией такой-то».

Идти к бомжам было еще рано; он хорошо знал их «распорядок» – где и когда они собираются. Можно было выпить сегодня и одному, но, если была возможность пообщаться, всегда решал вопрос в пользу общения, тем более что у него в кармане лежат деньги на всю компанию и было что сегодня им рассказать и обсудить.

«Общение отличает человека от животного», – вспомнил

он где-то услышанную фразу.

Николай оглянулся вокруг. Невдалеке находился скверик. Все скамейки были заняты, но его это не смутило, и он сел на уголок ближайшей. Молодая парочка сразу же встала и ушла. Еще и освободились две ближайшие скамейки. Он сунул руку в карман, пощупал спрятанную купюру, убедился, что она на месте. Потом достал Серёгину визитку и снова стал внимательно разглядывать ее.

«Клочок бумаги – и совсем другая жизнь! Вернуться? А стоит ли она того?» – подумал Николай и задремал. Ему снилось, как всходило звездное небо. Четкая полоса горизонта, поднимаясь из-за домов, разделяла небо на дневное и ночное. Постепенно все небо стало ночным. Справа, напротив Большой Медведицы, он увидел созвездие в виде куриного окорочка. Два созвездия располагались на небе симметрично, и если провести линии от их крайних двух звезд, то линии пересекались на том месте, где должна была находиться Полярная звезда, но там располагалась денежная купюра, точно такая же, как та, которую сегодня дал ему Сергей: так же был загнут уголок бумажки и так же чуть надорванная посередине – на сгибе. Он видел себя в робе монтажника, и его рука в рабочей рукавице тянулась к деньгам. Николай, как ни старался, подпрыгивая, никак не мог их достать. Наконец, приземляясь после очередного прыжка, он упал на левый бок и услышал: «Здесь нельзя валяться, поищи другое место», – Николай очнулся. Он действительно лежал на ле-

вом боку на скамейке, и перед ним стоял охранник конторы, поигрывая дубинкой.

– Да пошла она, эта купюра!.. – сказал бродяга.

– Что-о-о? – напрягся охранник.

– Дед в пальто! – огрызнулся бомж и пошел по улице куда глаза глядят.

Он шел, сосредоточенно смотря себе под ноги и не замечая ту жизнь, которая суется вокруг. Мысли сами лезли в голову:

«Восемь часов!.. От и до!.. И так всю жизнь до копеечной, можно сказать, нищенской пенсии: с утра и вечером толкаться в транспорте; переходить улицу только на зеленый свет светофора; предъявлять паспорт, когда потребует полицейский, оправдываясь, что, мол, торопился на работу, потому и перебежал на красный; везде стоять в очереди: в магазинах, на остановке автобуса, в окошко кассы за зарплатой; в общаге вести себя тихо, поддерживать чистоту и соблюдать правила общего проживания; говорить по утрам «здравствуйте» и по вечерам «до свидания»; постоянно встречаться и общаться с одними и теми же людьми. А ведь ни бригадира, ни прораба не пошлешь, будь они хоть трижды не правы: уволят. Родня понаедет, будут звать обратно в семью. И везде под приглядом, везде контроль и везде ты кому-то чем-то обязан, и перед кем-то отчитываться должен. А если я не хочу, например, сегодня работать, а хочу перевернуться на другой бок и продолжать спать? – нельзя. Если я не хочу об-

щаться, а хочу быть один. Когда мне понадобится компания, я легко найду ее, и пить, и общаться мы будем столько, сколько водки хватит – может, всю ночь, а может, и больше. И ведь ради чего работать-то? Чтобы поесть и одеться? Так я и так сыт всегда: помойки, свалки, просроченные продукты, подавания как нищему, социальные столовые, да и церковь с разными организациями устраивают благотворительные обеды. И не только сыт каждый день, но и выпить ежедневно есть на что: сбор и сдача цветных металлов, макулатуры, стеклобоя в пункты приема вторсырья, еще и подавания за счет попрошайничества. Одежда? Да я ее никогда и не стираю, а меняю на другую: люди сейчас побогаче стали и столько ее – этой одежды – выбрасывают, что даже выбираю, что надеть. Кстати, и выброшенных книг сейчас на помойках немерено – читай сколько душе угодно, даже классику. Народ-то сейчас как увидит, что в СССР издано, так и Толстого с Достоевским на помойку несет. Ночлег? – подвалы, заброшенные или под снос дома, теплотрассы, незапертые подъезды... Любой теплый угол зимой, а летом и на свежем воздухе полезно спать. Машина, отпуск? Так куда ехать-то? А отдыхать я и так отдыхаю, когда хочу. Развлекаловка? – всякие театры, аквапарки и прочее – так водка все заменит...

Проходя мимо железнодорожного вокзала, Николай обратил внимание на часы и подумал: «Бомжи уже собираются в известном месте для встречи», – и свернул на следующем перекрестке.

Собралось человек шесть. По начавшимся разговорам Николай понял, что день у всех, кто пришел – остальные будут подтягиваться со временем, – был не из удачных, и вынул из кармана Серёгину купюру.

– На сколько? – спросил маленький юркий бомж в почти новых красных ботинках, с хитрющими, хоть и пропитыми глазами и который добровольно – так уж повелось – взял на себя обязанность бегать в магазин.

– На все! – ответил Николай.

– Гуляем, мужики! – радостно произнес тот.

Для них самих они были просто «мужики». Тем не менее среди них был и профессор, и литературный критик, и филолог, и монтажник... – и все это в прошлом. Они никогда о нем не говорили, впрочем, как и о будущем, и о приближающейся зиме. Каждый из них знал тех, кого унесла предыдущая зима – унесла навсегда в страну полной и вечной свободы. Но в щелочках полуоткрытых глаз каждого все-таки светилась слабая надежда пережить ближайшую зиму.

Николай очнулся в той же самой нише, где видел, как крыса съела его колбасу. Он сразу узнал это место, где испытал чувство необъяснимого блаженства, увидев звездное небо. Над ним был тот же канализационный люк. Небо было затянуто облаками. Сколько прошло времени с того, как начали пить с бомжами и как он оказался в том же самом месте?

Этого он не знал и даже не старался вспомнить: его это

не интересовало. Знакомая уже крыса появилась из темноты и стала обнюхивать все вокруг. Николай достал из кармана оставшийся окорочок и положил его перед крысой. Та деловито обнюхала его и принялась грызть вакуумную упаковку. Бомж смотрел на крысу, и слезы текли по его щекам...

Крыса уже давно все съела и ушла восвояси, а Николай все смотрел и смотрел вверх; небо над ним было закрыто серой мглой. Холодные редкие капли спадали с краев люка.

Он вспомнил ту ночь и то звездное небо в открытом люке...

«И все-таки самое главное в этой жизни – ни от кого и ни от чего не зависеть, вот как те звезды», – подумал он, достал грязную уже и скомканную визитку, вспомнил слова Сергея: «Ну а если что случится, то приходи в другой день», – и... разорвал визитку на мелкие-мелкие части.

«Свобода дороже!» – успела мелькнуть мысль, и, успокоенный, он крепко заснул у теплой трубы теплотрассы.

Ему снились звезды, и он улыбался во сне.

Прошел ноябрь, промчалась и зима с ее выюгами, холодами и оттепелями, гололедом и слякотью... – уж такова была прошедшая зима. Наступила весна.

Сергей шел по тому самому подземному переходу, и неожиданно в его памяти всплыл Николай: его неуверенная походка с широко расставленными ногами, будто земля под ним качалась; обвисшая одежда, всегда на размер-два боль-

ше чем надо; чуть сторбленная спина, наклоненная вниз; голова со спущенным на лицо капюшоном то ли длинной куртки, то ли плаща, как у монаха; он как будто что-то постоянно искал, в надежде найти то, что другие потеряли, или то, что никому не нужно, кроме него.

«Его не было видно целую зиму, и даже сейчас, весной, когда потеплело и бомжи снова попадались на глаза все чаще и чаще, его одинокая и скорбная фигура нигде не мелькала. Именно после зимы чаще всего исчезают одни примелькавшиеся за теплый сезон опухшие лица и появляются другие. Не зря у них есть поверье: "До травки дожил, значит, доживешь и до первого снега"», – думал про себя Сергей.

Выйдя из подземного перехода, он не пошел к остановке троллейбуса, а повернул налево к маленькому скверу около продуктового магазина. Там на скамейке сидели трое бомжей, молча греясь на солнышке, явно скучая от безденежья.

Сергей подошел к ним и без слов положил на скамейку купюру, которой вполне хватало на покупку бутылки водки. Они сразу же оживились, подвинулись и предложили незнакомцу присесть рядом с ними на скамейку.

– Садись, уважаемый, садись. В ногах правды нет, – предложил тот, что был самый старший из них – или самый спитой, – понять было невозможно. – Чем обязаны?

Сергей объяснил как мог, кто его интересуется. Они долго перебирали в памяти тех, кого знали, и кто сейчас где.

– Знаю! – вдруг вскочил тот, что был в красных сильно потертых ботинках. – Он еще, когда при деньгах оказывался, всегда говорил: «Гуляем на все!»

– А! Так это Колька-отшельник. Помните? Он всегда в одиночку бродяжничал, – начал вспоминать «старший». – Через это, можно сказать, и сгинул.

Сергей удивленно посмотрел на «старшего», и тот продолжил:

– Как-то выпили мы сильно – Колька с большими деньгами пришел: раскрутил какого-то очередного «клиента» на попрошайничестве, рассказав ему жалостливую историю своей жизни – в этом он был мастер! А было это в ноябре прошлого года. Говорили ему, чтоб оставался с нами ночевать: мы тогда «теплый угол» нашли. А он ни в какую: не хочу, мол, в куче спать, сам поищу себе место для ночлега. Наутро нашли его замерзшего недалеко от вокзала.

– А фамилию его не знаете? – спросил Сергей.

– Нет. Он и имя-то свое никогда не называл, я по случаю узнал, – ответил старший.

– Ну хоть число-то какое было? Старший поднапрягся и вспомнил:

– Двадцать пятое ноября – верно говорю, в субботу это было. Мы как раз в ту субботу ходили на благотворительный обед: попы кормили, настоящий плов давали, и мяса в нем много было – такое трудно забыть.

В ближайшее воскресенье Сергей поехал на кладбище,

где городские власти выделили удаленный участок для захоронения неопознанных. Холмики, холмики и лес табличек. Долго там искал табличку с нужной датой. Нашел. На табличке имен не было – было пять номеров, дата «25 ноября» и год – значит, захоронение общее. С такой датой была только одна могила. Постоял, закурил и подумал: «А ведь только этими словами «пьем на все» ты и запомнился друзьям, точнее, собутыльникам. Иначе не найти бы мне ни за что твоей могилы. И это все, что осталось от тебя в памяти людей?»

Глядя вокруг, Сергей не мог избавиться от ощущения вечного ненастья, грусти и серости – ощущения вечного ноября. Он достал из кармана авторучку, задумался: «Нет, сотрется быстро», – вынул ключ от квартиры, нацарапал на табличке православный крест, а внизу – «Николай». Повернулся и медленно, будто прощаясь, пошел по аллее к выходу из этого скорбного места. Он возвращался в тот мир, где была весна, где светило солнце, где влюблялись и были любимыми.

Уже у ворот кладбища Сергей, ни к кому не обращаясь, спросил:

– Человек – это звучит гордо? – и добавил: – Но ведь это был твой выбор, Николай! А нужна ли такая свобода?

В том самом ноябре, 25-го числа, когда Николай проходил ночью по площади железнодорожного вокзала, голова у него вдруг закружилась, он упал на асфальт, поскользнувшись на льду замерзшей лужи, ударился головой и потерял сознание.

Очнувшись, он с трудом, на руках, отполз за привокзальную торговую палатку – ноги почему-то его не слушались – и лег на спину, чтобы отдышаться и прийти в себя. Мимо торопились прохожие, неся чемоданы и баулы, толкая перед собой коляски и ведя за руку плачущих малышей. Все куда-то спешили: кто на свой поезд, кто кого-то встречать или провожать. От удара головой он не мог понять, где он, кто он и что с ним. Вскоре почувствовал, что тело его замерзает. Его бил сильный озноб. Он попробовал кричать и понял, что язык не слушается его и позвать на помощь он не сможет.

Николай оставался лежать на спине за привокзальной палаткой и смотрел вверх на звездное небо. Через некоторое время он почувствовал, что начал согреваться: тепло, возникшее в голове, плавными волнами спускалось вниз, но только до пояса. В голове не было ни одной мысли, и только звездное небо, которое было над ним, что-то смутно ему напоминало. Жизнь покидала его тело, а душа открывалась навстречу звездам – навстречу бесконечной свободе.

А ведь небо было совсем рядом: оно отражалось на льду лужи, рядом с которой лежал Николай.

Последнее, что он подумал: «Звезды! Примите меня в ваше безмолвное царство СВОБОДЫ!»

Иконописец

С завода Геннадий Иванович шел хмурый и поникший. А ведь почти месяц назад он уже знал, что завод готовится к закрытию, но эта весть, как и всегда бывает, когда долго ждешь плохих новостей, прозвучала неожиданно и потрясла всех. Как пошел подписывать обходной лист, до того сжало грудь слева, что впервые почувствовал свое сердце и слезы навернулись на глаза. За последний месяц, отпрашиваясь под тем или иным предлогом с работы, благо руководство шло навстречу, искал завод, на который можно было бы поступить на работу. Бесплезно: приема нигде не было ни на какую должность.

Шел он домой, да вот только ноги не слушались, и как увидит он бар, кафе или какое другое заведение, где водки выпить можно, так они сами старались повернуть к ним. Хотя эти торговые точки и принято называть «увеселительными заведениями», а народ не только с радости, но и с горя туда идет. Так издревле было на Руси: грусть, радость, тоску, веселье и все мало-мальски выбивающее человека из его жизненной колеи пытался он оставить на дне стакана водки в кабаке. Сколько веков прошло с тех пор, как были кабаки на Руси, а нет-нет да и сейчас частенько слышишь упоминание его – прижилось это слово: «кабак», и может, не столько в русском языке, сколько в русской душе с ее вечной и

беспричинной тоской, с ее одиночеством, с ее постоянными исканиями ответов на одни и те же вопросы многих поколений русских людей.

Хотя и говорят, что горе от радости недалеко ходит, а в жизни частенько одна беда притягивает к себе еще и другую. Вдоль всей дороги от завода до ближайшей автобусной станции – дороги, по которой шел основной поток заводчан, – по обочинам сидели бомжи, калеки, попрошайки: со всего города съехались, прослышав про закрытие завода, надеясь выпросить хоть сколько-нибудь денег у проходящих мимо них людей, надеясь на жалость, родственность душ будущих нищих и сегодняшних. То тут, то там слышались одни и те же слова: «Такая уж страна – от сумы да тюрьмы не зарекайся». Обгоняя Геннадия Ивановича, быстрым шагом тяжело дыша шел грузный заместитель начальника цеха, тоже уже бывший, и по всему было видно, что он решительно знал, что ему сейчас необходимо. Однако Геннадий Иванович все же спросил:

– Куда бежим, Михалыч?

Михалыч остановился, остановился и Геннадий Иванович. Оба повернулись назад, чтобы еще раз взглянуть на вчера еще родной завод, которому не один год отдали оба. Они уже отошли далеко от предприятия и смотрели сквозь смог на нечеткие очертания зданий цехов: завод находился в низине, как в яме, и круглый год над ним висел дым, даже если наверху было ветрено. Зимой весь снег вокруг завода был

грязного цвета, и, как поговаривали, это темное пятно зимой было видно даже с самолетов. Михалыч немного отдышался и ответил:

– Геннадий Иванович, я тут знаю одну забегаловку, она неподалеку: чисто, культурно, закуска вполне приличная, цены терпимые, и водка не отравка какая-нибудь – пить можно. Идемте вместе?

– Нет, сослуживец ты мой бывший, не поможет это, спасибо за приглашение, но не пойду.

Не одни они шли после смены с упавшим настроением: рядом, грязно матерясь, шли работяги из разных цехов, постоянно призывая собеседников обсудить все, что произошло и как жить дальше, за стаканчиком-другим; брели задумчиво инженеры, размышляя, хватит ли дома оставшейся после вчерашнего водки или заранее прикупить чекушку; а уж женский состав бухгалтерии и других административных отделов, те, шумно ругаясь, визгливо и не без слез шли гурьбой, бестолково обсуждая сам факт случившегося. Стихийно среди женщин образовалась довольно большая группа, решившая сейчас же идти в храм и поставить там свечку. Вот только в какой храм идти и кому свечку ставить, женщины никак не могли прийти к согласию. Бывшие работницы обогнали Геннадия Ивановича, и чем окончился спор, он не слышал, но про себя подумал: «Ох, и как же это по-русски: чуть что случится, так женщины – за свечку, а мужики – за стакан».

Официально завод прекращал свою работу из-за безденежья, спада производства, из-за отсутствия заказчиков на его продукцию. Но люди-то не вымерли – остались, значит, остались и все потребности в стране. Многие понимали, что государственные заводы банкротят специально, чтобы потом почти даром передать их с помощью залоговых аукционов в частные руки под видом различных акционерных обществ, совместных предприятий...

Шли 1990-е годы: сокращения работников, закрытие производств, невыплаты зарплат по шесть месяцев и больше; люди искали, где бы еще подработать в нерабочее время, ломали голову, у кого бы из родственников занять денег. Те, у кого были огороды, вновь стали сажать картошку, как много лет назад; социализм приказал долго жить, а взамен процветали беспредел, преступность, воровство, грабежи. Женщинам приходилось носить сумочки, плотно прижав их к груди, чтобы не вырвали обнаглевшие до крайности подростки или не вытащили кошелек, разрезав бритвой сумку, освободившиеся уголовники, которых тогда, с радости, новая власть отпустила на волю в большом количестве: кому-то вообще закрывали статьи, переводя их из уголовных в административные, кого-то отпускали по амнистии или по условно-досрочному освобождению.

В общем, лихие годы – они и есть лихие.

Геннадий Иванович был широкоплечий мужчина, лет так тридцати – тридцати трех, невысокого роста, взгляд за-

думчивый. Его можно было принять за сельского жителя: морщины как у крестьянина, работающего весь день на ветру в поле, но, главное, руки – руки землепашца, широкие и натруженные. Рубашку носил дешевую, в клетку, брюки гладить не любил – так и ходил, без стрелок. Не сразу и поверишь, что этот неказистый мужчина с деревенской внешностью успешно окончил один из самых престижных московских вузов и ходил уже в должности начальника цеха. Имел двух детей, за которых был безмерно благодарен жене: мальчика Павла шести лет и девочку Вику, на год младше братика. Семью свою очень любил, и даже прожитые совместно годы не охладили его чувства к жене и не переросли, как часто с годами во многих семьях происходит, во взаимное уважение и дружбу взамен любви. Был он малопьющий, потому так и не завернул в какое-либо заведение, а вспоминая по дороге семью, никому из нищих ничего не дал. «Сами жить на что будем, не знаю», – думал он.

Ему предстояло сказать жене, что теперь он безработный, и он даже представить себе боялся, что с ней будет. Дверь в квартиру открыл своим ключом: знал, что дети еще в детском саду, а жена работает в полторы смены и заканчивает позже. Не зная, куда себя деть, сел за письменный стол, облокотил голову на локоть и стал смотреть в окно, не обращая никакого внимания на то, что там за окном происходит. Вдруг на подоконник сел воробей и, посидев там немного, ежесекундно оглядываясь на человека у себя за

спиной, вскоре вспорхнул и улетел по своим воробьиным делам. Вспомнилась бабушка: она любила подкармливать птиц крошками хлеба, приговаривая: «Как говорил Иисус: "Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их..."», а мы все равно покормим их, лишнее не будет». От нее осталась старая икона Николая Чудотворца, которая и сейчас висела в углу его комнаты. Никто в его семье не молился, и икона висела как память об ушедшем близком человеке. Родителей своих не помнил: он совсем еще младенец был, когда случилась та страшная автомобильная авария, в живых остался только он один. Два года он прожил в детском доме, пока бабушка не забрала его к себе. За те два года он хорошо осознал сиротскую долю. Может, потому так и ценил отношения с женой, которая была для него не только женой, но и другом, и любовницей, а по жизни и матерью, и отцом. Будучи по характеру подкаблучником, он боготворил жену, и ему даже страшно было подумать, что мог ее и не встретить. Хоть бабушка и была верующей, но маленький Гена к вере так и не приобщился: ему было тяжело в церкви, там он испытывал тоску по родителям, пытался вспомнить их лица и не мог. Жена нет-нет да и говорила мужу:

– Может, снести икону куда-нибудь, где их оценивают?

Вдруг она денег немалых стоит?

Но Геннадий Иванович стоял на своем:

– Пусть висит как память о бабушке.

Две маленькие фотографии паспортного формата советских времен, матери и отца Геннадия, стояли прислонясь к иконе, но из-за малости их размера невозможно было составить себе представление ни о внешности, ни тем более о характерах изображенных людей.

Опустив взгляд на письменный стол, Геннадий увидел много детских неумелых рисунков-каракулей: дети учились рисовать. Детей он любил безмерно и, взяв бережно несколько рисунков, аккуратно погладил их. «А ведь я когда-то неплохо рисовал, учительница даже восторгалась, уговаривала после окончания школы идти в специальное училище, продолжить обучение изобразительному искусству», – вспомнил Геннадий и грустно усмехнулся.

«Может, надо было прислушаться к ее словам?»

Он взял со стола чистый лист бумаги и попытался нарисовать лицо жены, детей – не получилось: вроде и похоже выходило, а все равно не они.

Тогда Геннадий стал осматривать комнату: «Что бы еще нарисовать?» Взгляд его упал на икону Николая Чудотворца. Вскоре весь лист бумаги покрылся изображениями лика святого. Сам не осознавая того, принципы канонической иконописи он ухватил быстро, рука твердо выводила линии, но глаза – глаза в отличие от глаз на иконе были живые: глаза человека много страдавшего и пережившего. «А что? Получается! И не хуже, чем на иконе, – подумал он, посмотрев на свои рисунки. – А что глаза живые, так это мне даже больше

нравится. Ведь что-то помнит до сих пор рука – помнит! Но кому нужны сейчас иконы, если богом стал золотой телец?»

Хлопнула входная дверь квартиры, потом послышались быстрые шаги младшей, подбежавшей сзади к отцу, и вскоре из-за спины он услышал: «Мам, посмотри, а ведь хорошо у папы получается!» Младшая была в восторге. Из комнаты жены, куда супруга сразу же ушла переодеваться, мельком взглянув на рисунки, послышалось:

– Может, удастся продавать изображения святых? А то денег в доме вечно не хватает.

– Ты уже с работы вернулась и за детьми успела забежать? – машинально спросил супруг. – Выйди в коридор, Зина, разговор есть.

Они вышли из комнаты.

– Что-то случилось? – напряглась жена.

«От разговора все равно никуда не уйдешь», – подумал Геннадий.

– Завод наш с завтрашнего дня закрывается: обанкротился, и все работники становятся безработными, расчет дадут позже, как смогут, – выговорил он скороговоркой.

Зина как стояла в коридоре, так тихо по стеночке и сползла на пол.

– А?.. – только и сказала она перед тем, как зареветь бестолковыми жалостливыми и нескончаемыми бабьими слезами с причитаниями, как на похоронах.

Когда она немного поутихла, взяв себя в руки, но еще

всхлипывая, произнесла:

– Ты, Геночка, прости, не говорила тебе, чтобы не расстраивать, а уже полгода скоро будет, как я в НИИ не работаю: сдали все помещения в аренду, бизнес-центр это у них теперь называется.

Геннадий так же медленно сполз по стеночке в коридоре и оказался сидящим на полу рядом с женой, обнял ее, прижал к себе, да так и просидели вдвоем с полчаса.

– Ну и как же мы выкручиваться теперь будем, Зин?

– Я уже полгода выкручиваюсь как могу, тебе ведь зарплату уже полгода как не выдавали: с утра на вещевом рынке продавщицей стою, барахлом разным торгую, – сказала жена. – В четыре вечера сдаю выручку хозяину палатки и иду мыть полы в коридорах в тот самый бизнес-центр. Уборщицей, и то с трудом устроилась: нигде не хотят русских брать на работу – мол, умные мы очень и законы знаем.

– Вот и мне теперь работу искать, – грустно произнес муж.

– Да подожди ты работу искать, много ли сейчас найдешь, в кризис-то, у тебя же талант к рисованию, – оживилась жена. – Иди с альбомом в церковь и срисуй разные лики святых, а я выставлю их на своем прилавке, когда хозяин отлучится куда-нибудь, и посмотрим, что будет. А если в церкви не позволят, то у меня отложены деньги на черный день, купим альбом с изображением святых – только работай. А для начала нарисуй во весь лист лик Николая Чудотворца.

Деловая жилка у Зины определенно имелась.

– Наверное, ты права, я уже месяц как по заводам бегаю, а так работы и не нашел. Кстати, иконы пишут, а не рисуют.

– Ну, вот и напиши, – быстро нашлась жена что сказать.

Наутро супруга отправилась работать на рынок, взяв с собой рисунок, а Геннадий – в ближайшую церковь, взяв с собой дочкин альбом для рисования, благо, он был еще почти пустой. Он решил написать распятие Иисуса и только удобно устроился у колонны храма так, чтобы она скрывала его наполовину, достал альбом, карандаш, как тут же услышал спокойный голос местного батюшки:

– Не подобает в храме прятаться за колонны. Выйдите из укрытия, встаньте как вам удобно и пишете спокойно, только благословения в следующий раз спросите, – и перекрестил альбом, – дело это богоугодное, что ж скрываться. Только не во время службы. Дайте-ка мне, пожалуйста, ваш альбом посмотреть.

– Дочери младшей это альбом, а моя только одна страница, – ответил Геннадий.

– Вот и дайте эту страницу посмотреть, – настаивал батюшка.

Геннадий вытащил ее из альбома и подал священнику. Тот, в свою очередь, достал из сумки лист бумаги и приложил к первому листу. Видно было, что писала одна и та же рука.

– Я через рынок часто иду, зелени свежей купить, вот и увидел ваш рисунок, – сказал батюшка. – Очень был удив-

лен, увидев лик Николая Чудотворца в таком месте, но и душа возрадовалась: много народа лик лицезреть будут, даже иноверцы. А за прилавком, значит, ваша супруга стоит? Я правильно понял?

– Да! Жить-то надо на что-то, а то вчера и наш завод закрылся.

– Да-да. Знаю, что в стране делается, а сейчас хочу вам сказать, что талант, и большой талант, к иконописи у вас есть. Давненько я не имел радости лицезреть столь мастерскую руку и почувствовать столь открытую Богу душу... Вы верующий? – спросил батюшка.

Геннадий замялся с ответом и старался не смотреть на священника.

– Ясно, – подытожил тот. – А по рисункам видно, что душа к Богу тянется, к вере. Учиться вам надо у хороших мастеров и со священнослужителями, с иконописцами да с монахами пообщаться. Хотите, рекомендацию напишу в один из монастырей, где работает и руководит мастерской иконописи старец Феофан. Мы много лет друг друга знаем, думаю, что он не откажет мне посмотреть ваши работы. На сегодняшний день он считается одним из лучших иконописцев.

– Конечно, хочу, – вскрикнул Геннадий и, вспомнив, что он находится в храме, быстро прикрыл рот ладонью. – С женой только надо посоветоваться.

– Вы все о мирском, – сказал батюшка. – А иконописание – это служение Богу, и надо не только хорошо писать

иконы, но и жить по христианским законам: изучать Святые Писания, молиться, причащаться... ну да мастерская иконописи при монастыре, там хорошие учителя – растолкуют. Иконописание – это святое дело, это вера в Бога. Идите, но помните, что обучаться у Феофана – большая честь. Приезжать домой иногда вы сможете: монастырь не так далеко от города находится.

– А сколько времени надо учиться на иконописца?

– Только Бог это знает, – ответил батюшка. – Способности у разных людей разные. Впрочем, Феофан вам все растолкует. Вот теперь все, идите, советуйтесь с супругой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.